

ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ НАУМОВИЧЪ

(Родился 14/26 января 1826 года—умеръ 4/16 августа 1891 года).

Иванъ Григорьевичъ Наумовичъ родился 14/26 января 1826 года въ селѣ Козловѣ, въ домѣ своего дѣда. Отецъ писателя былъ народнымъ учителемъ въ Бужскѣ и, хотя считалъ себя по убѣжденіямъ русскимъ человѣкомъ, однако, по-русски не умѣлъ даже читать. Вообще, въ то время галицко-русское общество было крайне ополячено; не представлялъ въ этомъ отношеніи исключенія и домъ родителей И. Г. Наумовича, гдѣ всѣ объяснялись на польскомъ языкѣ и даже будущій просвѣтитель Галицкой Руси выучилъ первыя молитвы по-польски. Начальное образованіе И. Г. Наумовичъ получилъ въ школѣ своего отца, который уже тогда предназначалъ его духовному званію.

Поступивъ во львовскую гимназію, молодой Наумовичъ долженъ былъ испытать тяжелую нужду и перенести немало огорченій. Первое время онъ жилъ на средства своихъ бѣдныхъ родителей, у которыхъ было на рукахъ семь человѣкъ дѣтей, а съ пятого класса началъ давать уроки, за что получалъ скудный обѣдъ и уголь для ночлега. Репетиторства скоро не стало и бѣдному гимназисту пришлось бы, навѣрно, совсѣмъ оставить мысль о дальнѣйшемъ своемъ образованіи, если бы въ его судьбѣ не приняла участія богатая графиня Миръ. Счастье какъ будто ему улыбнулось, но, къ сожалѣнію, не надолго: попавъ въ среду легкомысленныхъ товарищей, онъ запустилъ занятія и, не выдержавъ переходнаго экзамена, долженъ былъ отказаться отъ помощи графини и поступилъ (вмѣстѣ со своимъ братомъ Петромъ) батракомъ на мельницу. Здѣсь онъ носилъ мѣшки, молотъ по цѣлымъ ночамъ муку, пекъ хлѣбы и развозилъ ихъ продавать по городу. И. Г. Наумовичъ вмѣстѣ съ братомъ настолько привыкъ къ этому

дѣлу, что рѣшилъ навсегда остаться у мельника, о чемъ и написалъ своимъ родителямъ. Послѣдніе, прочитавъ это извѣстіе, потребовали отъ мельника, чтобы онъ немедленно уволилъ ихъ дѣтей. Пришлось покориться волѣ родителей, и братья Наумовичи отправились за 230 верстъ пѣшкомъ домой, въ Залещики. Дома И. Г. Наумовичъ пробылъ до окончанія каникулъ, а затѣмъ отправился снова учиться во Львовъ.

Чтобы получить помѣщеніе и столъ, онъ долженъ былъ носить дрова и воду, а на мелкіе расходы попрежнему зарабатывалъ репетиторствомъ. Дѣла И. Г. Наумовича стали было поправляться, какъ вдругъ онъ заболѣлъ тифомъ и пролежалъ почти два мѣсяца въ больницѣ. По выздоровленіи онъ вновь принялся за науки и, успѣшно сдавъ (весною 1844 года) выпускной экзаменъ въ гимназіи, отправился къ своимъ родителямъ, въ Залещики.

Осенью 1844 года И. Г. Наумовичъ былъ принятъ въ русскую духовную семинарію во Львовѣ. Въ ней тогда господствовалъ польскій духъ: семинаристы не только говорили между собой по-польски, но и сочувствовали всѣмъ, даже явно враждебнымъ русскому народу, польскимъ идеямъ. Когда наступилъ знаменательный 1848 годъ, то польская шляхта, желая вернуть всѣ свои старыя права и привилегіи, образовала національную „гвардію“, въ которую записались также многіе русскіе семинаристы, въ томъ числѣ и Наумовичъ.

Кромѣ того онъ вступилъ въ тайное польское общество, ставящее своей задачей возстановленіе Польши въ историческихъ границахъ, „отъ моря до моря“. Однако, одинъ случай произвелъ рѣшительный переворотъ во взглядахъ И. Г. Наумовича. Самъ писатель разсказалъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ напечатанныхъ въ „Наукѣ“ (1871—1872 гг.). По случаю революціи семинарія была распущена, и ея воспитанники разъѣхались по домамъ; поѣхалъ и Иванъ Григорьевичъ къ своимъ родителямъ въ Залещики. Тутъ онъ очутился одинъ разъ въ огромной толпѣ народа, неподалеку отъ моста на Днѣстрѣ, и началъ говорить русскимъ крестьянамъ о волѣ и Польшѣ, которая побѣдитъ Русь и будетъ диктовать свои условія въ Москвѣ. Крестьяне обступили его, и одни вышучивали его слова, а другіе, будто-бы слушали, но недовѣрчиво качали головами. Когда же онъ сказалъ, что Польша въ союзѣ съ Франціей побѣдетъ „москаля“,—всѣ крестьяне громко захохотали.

— А сколько лѣтъ тебѣ, панычъ?

— Мнѣ двадцать два года,

— Ну то-то же, что только двадцать два. Ты молодец, не знаешь того, что на Москву пошелъ французъ съ цѣлымъ свѣтомъ, да и погибъ тамъ въ снѣгахъ.

— А то какъ же?—замѣтилъ другой.—Тамъ вѣдь вѣра православная.

— И вѣра твердая, хорошо ты говоришь—подтвердилъ третій,—и народу безъ числа, и богатства великія. А развѣ ты, панычъ, не слыхалъ, что въ нашей русской землѣ солнце никогда не заходитъ?

— Да ты, панычъ,—послышался новый голосъ въ толпѣ,—не изъ русскихъ развѣ? Батюшка твой, кажись, у насъ здѣсь учителемъ и ходитъ молиться въ русскую церковь. Какой же ты полякъ послѣ этого?

Тутъ подошелъ къ нему дюжій мужикъ, снялъ съ его головы синюю конфератку, какія носили поляки въ 1848 году, повертѣлъ ее съ насмѣшливой улыбкой въ рукахъ и сказалъ:

— А ты, панычъ, возьми-ка эту шапочку, брось ее на землю, растопчи, растопчи хорошенько ногой, потомъ плюнь на нее и кинь въ Днѣстръ. Вотъ такъ, вотъ такъ,—крикнулъ онъ, замахиваясь шапкою и швыряя ее въ рѣку,—пускай пропадаетъ такъ Польша!

Если описанный случай показалъ И. Г. Наумовичу, какъ смотреть простой галицко-русскій народъ на Польшу и тѣхъ, кто сознательно или бессознательно защищаетъ ея господство надъ Галицкой Русью, то другая встрѣча съ русскими крестьянами уже окончательно убѣдила Ивана Григорьевича въ необходимости отказаться отъ увлеченій польскимъ націонализмомъ. Дѣло было во Львовѣ, въ 1848 г. И. Г. Наумовичъ очутился на площади передъ католическимъ соборомъ какъ-разъ въ то время, когда войска и русскіе добровольцы разбивали баррикады, устроенныя польскими повстанцами. Русскіе крестьяне всѣхъ хватали и, подобно казакамъ запорожской сѣчи, требовали прочесть „Вѣрую“. Кто этого не дѣлалъ, тѣхъ они арестовывали или даже убивали. Былъ захваченъ въ числѣ другихъ также и И. Г. Наумовичъ и только благодаря тому, что назвалъ себя русскимъ и прочелъ „Вѣрую“ былъ отпущенъ невредимымъ. Съ этого момента Иванъ Григорьевичъ уже навсегда сдѣлался русскимъ народникомъ.

Въ 1851 году И. Г. Наумовичъ былъ рукоположенъ въ священника и получилъ приходъ въ мѣстечкѣ Городкѣ, близъ Львова.

Съ этого времени начинается замѣчательная и весьма разносторонняя дѣятельность И. Г. Наумовича на пользу русскаго народа, продолжавшаяся цѣлыхъ сорокъ лѣтъ и доставившая ему почетное имя *просвѣтителя Галицкой Руси*.

Въ 1856 году И. Г. Наумовичъ переѣхалъ въ свой новый приходъ—Перемышляны, гдѣ началась его самоотверженная работа по очищенію въ Галицкой Руси восточнаго обряда отъ польско-латинскихъ искаженій. Свои взгляды на этотъ вопросъ онъ изложилъ въ рядѣ статей изъ которыхъ особенно замѣчательна—*„Якою рада суть измѣны и отклоненія отъ прежнихъ, употребляемыхъ у насъ обрядовъ при богослуженіи“* („Слово“ Львовъ, 1862 г. №№ 24—29).

Статьи И. Г. Наумовича вызвали съ одной стороны усиленную дѣятельность русскихъ священниковъ по очищенію восточнаго обряда, а съ другой—нападки и клевету поляковъ, какъ на обрядовое движеніе, такъ и на главнаго его вдохновителя. Результатомъ всего этого было то, что папа издалъ (7 апрѣля 1862 года) распоряженіе объ основаніи при „Конгрегациі для распространенія вѣры“ особаго отдѣла, вѣдающаго исключительно дѣла лицъ восточнаго обряда, а львовскій митрополитъ Григорій Яхимовичъ, хотя и преданный русской церкви и народу, долженъ былъ, по настоянію Рима, обратиться съ пастырскимъ посланіемъ, призывавшимъ русское духовенство подождать съ очищеніемъ обряда впредь до созыва церковнаго собора. Кромѣ того, надъ Наумовичемъ, какъ надъ опаснымъ „схизматикомъ“ было наряжено слѣдствіе.

Соборъ, однако, созванъ не былъ, такъ какъ умеръ митрополитъ Григорій Яхимовичъ и послѣ его смерти для Галицкой Руси наступили тяжелыя времена. Если, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, восточный обрядъ былъ очищенъ отъ многихъ латинскихъ примѣсей, то это—безспорная заслуга И. Г. Наумовича.

Въ 1861 году русское населеніе Золочевского округа избрало И. Г. Наумовича депутатомъ въ первый галицкій сеймъ. Поляки еще раньше относились къ нему очень враждебно, такъ какъ не хотѣли примириться съ вполне естественнымъ стремленіемъ русскихъ галичанъ очистить свой восточный обрядъ отъ польско-латинскихъ искаженій.

На другой день послѣ открытія сейма, въ приходѣ И. Г. Наумовича сгорѣло село Коростно. Онъ немедленно отправился къ несчаст-

нымъ прихожанамъ, а польская шляхта образовавъ тогда комитетъ для оказанія помощи погорѣльцамъ, начала внушать русскимъ крестьянамъ, что ихъ наказываетъ самъ Богъ за сочувствіе обрядовому движенію и совѣтывали имъ даже изгнать отъ себя „схизматическаго“ пастыря.

Несмотря на всѣ несчастія и постоянную травлю, И. Г. Наумовичъ не падалъ духомъ и продолжалъ мужественно защищать права обездоленнаго русскаго народа.

Въ 1861 году русскіе галичане начали настойчиво добиваться правъ гражданства для русскаго языка во всѣхъ учрежденіяхъ восточной Галичины. И. Г. Наумовичъ написалъ объ этомъ въ „Словѣ“ (1861 г., № 40) любопытную статью, въ которой съ горькой ироніей замѣчаетъ: „...будьте такими Русинами, щобысьте сердце мали русское, а лице нѣмецкое, або польское. Равноправность такъ мае разумѣтись, що вамъ вольно всегда желати ровнаго права, но исполненія ровности николи не видѣти“.

Видя стойкость первыхъ русскихъ депутатовъ сейма, польскіе политики рѣшили начать переговоры о польско-русскомъ соглашеніи, которое если бы и не привело ни къ чему, то все же дало полякамъ возможность выиграть время.

По этому поводу И. Г. Наумовичъ помѣстилъ въ „Словѣ“ (1861 г., № 81) заявленіе, которое и до сихъ поръ можетъ служить руководствомъ для русской народной дѣятельности въ Галицкой Руси. Въ этомъ заявленіи требовалось признаніе со стороны поляковъ полного равноправія за галицко-русскимъ народомъ.

Кипучую дѣятельность въ сеймѣ развилъ И. Г. Наумовичъ въ 1866 году, когда несчастная война съ Пруссіей ослабила Австрію, вслѣдствіе чего мадьяры образовали особое государство, соединенное съ Австріей лишь общностью Габсбургской династіи, а поляки, за обѣщаніе всегда поддерживать австрійское правительство, получили право безраздѣльнаго господства надъ галицко-русскимъ народомъ. Русскіе сеймовые депутаты проявили большое мужество въ защитѣ правъ Галицкой Руси отъ польскихъ посягательствъ, при чемъ И. Г. Наумовичъ выступалъ тогда съ рѣчами по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ галицко-русской жизни.

Но самымъ выдающимся его дѣломъ въ 1866 году было знаменитое, ставшее съ тѣхъ поръ историческимъ, заявленіе о національно-

культурномъ единствѣ всѣхъ вѣтвей одного великаго русскаго народа. Оно напечатано въ газетѣ „Слово“ (1866 г., № 59) подъ скромнымъ заглавіемъ „*Поглядъ въ будущность*“.

Народническая дѣятельность Наумовича очень не нравилась польскимъ политикамъ и они рѣшили во что бы то ни стало воспрепятствовать его избранію, въ 1867 году. Несмотря на всѣ ухищренія, Наумовичъ всетаки получилъ на семь голосовъ больше польскаго кандидата; но уже въ самомъ началѣ работъ собравшаго сейма, польское большинство признало 7 голосовъ Наумовича незаконными и выборъ его не утвердило.

Не исполняя обязанностей депутата и будучи поэтому болѣе свободнымъ, И. Г. Наумовичъ съ неутомимой энергіей принялся за просвѣщеніе Галицкой Руси. О томъ какъ высоко цѣнило его заслуги галицко-русское крестьянство, лучше всего можетъ дать представленіе слѣдующее трогательное и глубоко правдивое письмо жителей села Коростна („Слово“, 1867 г., № 5).

„Не ма у насъ челоувѣка, не ма и малой дитины, которая бы не знала сказати за любезнаго и дорогого отца Наумовича. Они насъ просвѣтили, они завели порядную школу, ихъ стараньемъ наука процвѣтае, они намъ поставили съ невеликимъ нашимъ трудомъ, своею ревностію, красну муровану церковь, красу на всю околичность. Они развели намъ пасѣки и щепы овощевые, по сему и сами своими руками выховали намъ садовину, ходячи весняными часами отъ огорода до огорода съ пилкою и вѣточками, перетворяючи наши дички на щепы; они даровали нашой школѣ красну пасѣку для убольшенья дохода учителя и для науки дѣтей, которыхъ освоили съ пчелами и обзнакомили съ наукою, такъ пожиточною. Отець нашъ Наумовичъ суть намъ во всемъ парадю и примѣромъ и мы до нихъ маемъ такое довѣріе и любовь, що не ма такой души, которая бы о томъ не знала, не только у насъ, але и въ другихъ селахъ“.

Въ 1867 году И. Г. Наумовичъ оставилъ село Коростно и перешалъ въ приходъ Стрѣльче, близъ Коломыи. Трудясь надъ просвѣщеніемъ народа, онъ основалъ въ 1871 году, въ Коломыѣ, свою знаменитую „Науку“, а также, — вмѣстѣ съ типографомъ М. И. Бѣлоусомъ, — „Русскую Раду“, первую въ видѣ ежемѣсячнаго журнала, а вторую — двухнедѣльнаго. И. Г. Наумовичъ не только почти все писалъ для „Науки“ и очень многое для „Русской Рады“, но даже самъ выпол-

нялъ корректуру и для этого зимой и лѣтомъ, въ дождь и непогоду, ѣздилъ въ Коломыю. Кромѣ того, онъ усердно занимался пчеловодствомъ и, какъ членъ учрежденнаго тогда въ Коломыѣ Общества пчеловодства и садоводства, устроилъ въ Городенцѣ, въ 1872 году, областную сельско-хозяйственную выставку, предсѣдателемъ которой и былъ избранъ.

Наилучшимъ свидѣтельствомъ неутомимой дѣятельности И. Г. Наумовича въ Стрѣльчѣ можетъ служить, то что въ то время въ Коломыѣ издавалось для народа книгъ и журналовъ больше, чѣмъ во Львовѣ.

Въ Стрѣльчѣ И. Г. Наумовичъ жилъ до ноября 1872 года, когда переселился въ новый приходъ—мѣстечко Скалатъ. Здѣсь онъ продолжалъ писать статьи для „Науки“ (которую только въ 1877 г. перенесъ изъ Коломыи во Львовъ) и для „Русской Рады“, а также составлялъ книжки для будущаго Общества имени Мих. Качковскаго.

Скоро И. Г. Наумовичу пришлось снова выступить на политическое поприще такъ какъ въ октябрѣ 1873 года онъ былъ избранъ членомъ Державной Думы, гдѣ, какъ и въ галицкомъ сеймѣ, стойко защищалъ права русскаго народа. Депутатомъ австрійскаго парламента И. Г. Наумовичъ пробылъ 6 лѣтъ и за это время, кромѣ политическихъ выступленій, успѣлъ написать много сочиненій, какъ художественнаго, такъ и популярно-научнаго характера.

Пребываніе И. Г. Наумовича въ Вѣнѣ и знакомство его съ представителями славянскихъ народностей, особенно со словенцами, имѣло весьма благопріятныя послѣдствія для Галицкой Руси. Узнавъ, что въ Люблянѣ существуетъ Общество св. Магорта, которое издаетъ полезныя книжки для народа и насчитываетъ около 30 тысячъ членовъ, И. Г. Наумовичъ рѣшилъ учредить подобное и для русскихъ галичанъ.

Въ 1874 году онъ дѣйствительно основалъ общество имени Мих. Качковскаго. (Судья Михайлъ Алексѣевичъ Качковскій всѣ свои средства и жалованье жертвовалъ на просвѣщеніе народа, а самъ питался однимъ чернымъ хлѣбомъ и картофелемъ. Онъ родился въ 1802 г. въ Галиціи, а умеръ въ 1872 г. въ Россіи, въ Кронштадтѣ). Цѣль Общества—своими изданіями и читальнями „воспитывать въ народѣ вѣрующихъ письменныхъ, трезвыхъ и трудолюбивыхъ членовъ

семействъ, честныхъ и сознательныхъ русскихъ патриотовъ и порядочныхъ гражданъ“. И. Г. Наумовичъ далъ Обществу девизъ: „молись, учиись, трудись, трезвись“. За время своего существованія оно издало и распространило миллионы книжекъ для народа, открыло полторы тысячи читаленъ, устроило въ селахъ вольныя пожарныя дружины, любительскіе театры и церковныя хоры. Въ настоящее время Общество имени Мих. Качковского насчитываетъ болѣе 10.000 членовъ.

На время парламентскихъ каникулъ, И. Г. Наумовичъ уѣзжалъ въ свой приходъ Стрѣльче, гдѣ писалъ общедоступныя книги для народа, занимался пчеловодствомъ, и помогалъ добрыми совѣтами больнымъ. Тамъ онъ жилъ до 1882 года, когда былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и привлеченъ вмѣстѣ съ другими выдающимися галицко-русскими патриотами къ суду по обвиненію въ мнимой государственной измѣнѣ. Поводомъ ко всему этому послужилъ, главнымъ образомъ, переходъ изъ униі въ православіе крестьянъ деревни Гнилички, расположенной неподалеку отъ русской границы. Этого было достаточно, чтобы взвести на Наумовича обвиненіе въ заговорѣ, направленномъ не только къ „собращенію“ всей Галицкой Руси изъ униі въ православіе, но и къ отторженію Галичины отъ Австріи и присоединенію ея къ Россіи.

Рѣчь И. Г. Наумовича, сказанная имъ на судѣ 12/24 іюня 1882 года, является его національно-политическимъ „вѣрую“, почему мы и приводимъ ее полностью (по стенограммѣ), для настоящей статьи переводя съ польскаго на общерусскій литературный языкъ.

„Не подлежитъ сомнѣнію,—заявилъ И. Г. Наумовичъ,—что я—славянинъ, и притомъ славянинъ горячій, ибо не только языкъ у меня славянскій, но, кромѣ того, также церковный обрядъ и обычаи у насъ на Руси наиболѣе сохранились еще изъ глубокой славянской, бывшей языческой древности. Какъ славянинъ, не могу не быть славянофиломъ, не могу не любить тѣхъ народовъ, которые происходятъ изъ того же самаго, что и русскій народъ, общаго корня и остаются съ нимъ въ племенной связи близкаго или дальняго родства. Что касается лично меня, то позволю себѣ рассказать, среди какихъ обстоятельствъ развилось у меня сильное чувство славянофильства.

„Въ 1849 году, будучи еще учащимся, я трудился при редакціи „Зори Галицкой“, первой нашей русской газеты. Въ редакцію прихо-

дили газеты со всѣхъ славянско-австрійскихъ краевъ; присылали также отовсюду славянскія сочиненія, которыя я читалъ. Между прочимъ, я имѣлъ случай прочесть „Славянскія Древности“ и „Славянскую Народопись“ (Шафарика). Я читалъ ихъ съ великимъ интересомъ и проникнулся ихъ духомъ. Изъ книги „Славянскія Древности“ я узналъ, что славяне имѣютъ старую культуру, найдавніѣйшую народную литературу, существующую еще отъ тѣхъ вѣковъ, когда иные, нынѣ перво-степенные европейскіе народы, ничего въ этомъ отношеніи представить не могли. „Славянская Народопись“ познакомила меня съ числомъ славянскихъ племенъ и ихъ языками. А такъ какъ я былъ поэтическаго настроенія, то изъ пѣсней Коллара и до сего дня помню нѣсколько строкъ, которыя врѣзались мнѣ въ память и составляютъ какъ бы программу славянофильства. Такъ о славянствѣ пишетъ Колларъ: „Все имѣемъ, мои милые, дорогіе: золото, серебро, умѣлые руки; языкъ и пѣсни имѣемъ веселыя; единства только и просвѣщенья у насъ нѣтъ! Дайте намъ ихъ съ духомъ всеславянства, и увидите народъ, какого не было еще въ прошломъ; среди грека и британца наше имя заблеститъ на звѣздномъ небосводѣ“. Такъ какъ я былъ поэтическаго характера, какъ я уже сказалъ, то тѣ и подобныя имъ пѣсни великаго пѣвца, автора „Дочери Славы“, тронули меня до глубины души. Я жилъ этимъ и мысль о такомъ всеславянскомъ единствѣ была и теперь является моей путеводной мыслью. Прежде всего я хотѣлъ познакомиться съ моимъ народомъ, для чего пустился пѣшкомъ по нашему краю, извѣздилъ или исходилъ цѣлый край и часть Угорской Руси, вникалъ въ глубину души нашего народа, познавалъ его хорошія стороны и поставилъ задачей моей жизни служить этому народу духомъ всеславянства, т.-е. просвѣщеніемъ народа. Это была цѣль моей жизни, является ею до настоящаго дня и останется до смерти! Я рѣшилъ этотъ народъ просвѣщать, чтобы онъ, познавши самого себя и собственное достоинство, заговорилъ самъ о себѣ въ ряду другихъ народовъ Австріи, чтобы съ нимъ считались и признавали его права. Вѣдь, извѣстно, что въ нашей Австріи до недавняго времени славянскія народности были совершенно угнетены и считались только матеріаломъ для двухъ другихъ господствующихъ расъ—нѣмецкой и мадьярской; изъ всѣхъ же наиболѣе была угнетена наша русская народность, которой отказывали даже въ правѣ національнаго существованія. Такъ было раньше; но послѣ французскихъ войнъ живой духъ овѣялъ и полумертвые славянскіе народы. Съ того времени начали появляться первые пророки славянства и, изъ всѣхъ славянско-австрійскихъ народовъ, особенно чехи проникнулись тѣмъ духомъ и взяли въ свои руки предводительство въ дѣлахъ славянъ. Такъ выступила въ Австріи

на національное поприще на ряду съ двумя господствующими расами и третья—славянская, численно превышающая обѣ первыя,—выступила съ заявленіемъ на свое народное существованіе и готовая къ борьбѣ за неотъемлемое право... Задачей Австріи, совмѣщающей въ себѣ три главныя расы, было: устроиться такъ, чтобы каждая раса и каждая народность могла смотрѣть на Австрію, какъ на своего рода Швейцарію, въ которой всѣ три народности жили бы въ мирномъ сосѣдствѣ, взаимно признавая права, не боясь никакихъ центробѣжныхъ стремленій и имѣя въ государствѣ полную возможность развивать свои народныя особенности.

„Такъ безъ послѣдствій прозвучали призывы объединяющихся итальянцевъ къ итальянцамъ Тесинскаго кантона, которые отвѣтили; „Мы и въ Швейцаріи—итальянцы и вполне счастливы“! Къ тому же стремились и наши австрійскіе славяне. Когда въ 1848 году въ Европѣ закипѣла новая родная жизнь, тогда собралось въ Прагѣ общество „Славянская Липа“. Съ удовольствіемъ вспоминаю, что тамъ были и представители польскаго народа, который теперь, къ сожалѣнію, отрещивается отъ всякаго согласія съ славянами. Былъ тамъ кн. Левъ Сапѣга, кн. Юрій Любомірскій, адвокатъ Малишъ, а съ нашей стороны: Иванъ Борискевичъ, Василій Ковальскій и свящ. Алексѣй Заклинскій. Тамъ была поднята мысль лишь о союзѣ австро-славянскихъ народовъ, но отнюдь не всѣхъ славянъ. Та мысль была единственно спасительной для Австріи, ибо могла образовать силу, о которую бы разбились желанія тѣхъ панславистовъ, которые мечтаютъ о соединеніи всѣхъ славянъ. Къ сожалѣнію, та мысль была лишь возбуждена, даже точно не опредѣлена, потому что въ то безпокойное время дѣло дошло до обстрѣла Праги, и „Липу“ разогнали. Потомъ, когда утихли волны этой страшной бури и вернулось спокойствіе, мысль о федераціи славянъ уже не поднималась. Не была поднята потому, что одно изъ славянскихъ племенъ, племя польское, главнымъ образомъ вліятельная партія этого племени, не видѣла для себя спасенія въ славянской федераціи и въ славянствѣ вообще, шла и теперь идетъ отдѣльною дорогою, руководимая своими историческо-державными традиціями. Къ сожалѣнію, она и теперь не только выказываетъ полный недостатокъ сочувствія славянамъ, но соединяется даже съ врагами славянъ и выражаетъ это въ печати. Такъ читаемъ въ извѣстной брошюрѣ 1880 года „La Pologne et les Habsburg“ („Польша и Габсбурги“) такія слова: „Польша никогда не считала себя славянскою державою“, а дальше: „что же могла бы она, Польша, имѣть общаго со славянами, съ этимъ народомъ слугъ и невольниковъ“.

„Въ такомъ самомъ духѣ раздаются польскія голоса въ законодательныхъ собраніяхъ во Львовѣ и Вѣнѣ, и въ такомъ духѣ пишутъ польскіе публицисты. И въ этомъ была главная причина, что идея славянской федераціи въ Австріи сдѣлалась невыполнимой; въ этомъ лежитъ и причина того, что теперь, противъ русскаго панславизма, совсѣмъ не страшнаго для Австріи, послѣдняя не могла противопоставить австрійскаго панславизма. Польская же политика приводитъ каждою истиннаго славянина въ великую печаль. Только съ болью сердца можно читать такія сужденія о славянахъ, что они,—народъ слугъ и невольниковъ, сужденія, которыя вошли въ поговорку у угнетателей славянъ. А вѣдь славянскіе народы славятся своею древнею культурой, наша литература восходитъ къ девятому вѣку и была уже знаменита тогда, когда другіе народы не чувствовали даже потребности въ народныхъ литературахъ. Упомяну только о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, о переводѣ Библии на славянскій языкъ, о высокой степени развитія и совершенства церковно-славянскаго языка, совсѣмъ не уступающаго классическому старо-греческому. Только грубые невѣжды, не знающіе всего этого могутъ насмѣхаться надъ славянами, какъ надъ какими-то полудикими народами. Но противъ этого нѣтъ лѣкарства, ибо такой антиславянскій духъ былъ унаслѣдованъ поляками еще со временъ существованія самостоятельной Польши, онъ же поддерживается теперь и въ Австріи. Совсѣмъ другой духъ вѣетъ въ нашей Руси и у другихъ австрійскихъ славянъ. Какъ только мы начали сознавать свою народность, до того времени усыпленную, то первою задачею, какъ чеховъ, словаковъ, хорватовъ, словенцевъ,—такъ и нашею было вести народную массу къ просвѣщенію; это доказываютъ наши „Матицы“. Каждый, кто хочетъ, можетъ вполне убѣдиться, что мы, русскіе ни о чемъ такъ не старались, какъ о школахъ; мы боролись и боремся за народный языкъ въ школахъ. Въ этомъ заключалась наша главная задача, наша основная политика; ибо это, въ самомъ дѣлѣ духъ истинно-славянскій: въ каждомъ, даже ниже стоящемъ видѣть своего брата и стараться возвысить его просвѣщеніемъ...

„Господинъ прокуроръ,—продолжалъ свою рѣчь И. Г. Наумовичъ,—обвиняетъ насъ въ россійскомъ панславизмѣ. Позволю себѣ и о немъ упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ. Панславизмъ, какъ я уже выше отмѣтилъ,—австрійское дѣтище, ибо въ Австріи возникли первыя и знаменитѣйшіе его пророки. И это совсѣмъ естественно, ибо Австрія есть держава, въ которой живетъ 6 славянскихъ племенъ всѣхъ оттѣнковъ: восточныя и западныя, сѣверныя и южныя; различной вѣры: католической, православной и протестантской. Когда у насъ, въ Ав-

стріи, уже цѣлые народы, напримѣръ чешскій, были дѣйствительно проникнуты всеславянской идеей и Коллары пѣли ей пѣсни, то въ Россіи панславизмъ былъ еще запрещеннымъ товаромъ.

„Теперь мы уже боимся русскихъ панславистическихъ обществъ, ибо мы не постарались имѣть противъ нихъ оружіе; а оружіемъ тѣмъ можетъ быть не что иное, какъ братство австро-славянскихъ народовъ; но мы видимъ, что вмѣсто братства, у насъ все съ большей силой выступаетъ истребленіе отдѣльныхъ слабыхъ славянскихъ народностей. Укажу только на нашу несчастную Русь, которой открыто, съ сеймовой трибуны, одинъ выдающійся депутатъ, по возвращеніи изъ Вѣны съ приказомъ ввести во всемъ краѣ польскій языкъ, побѣдоносно объявилъ: „Краѣ ополяченъ!“ Другой депутатъ въ прошломъ году на предвыборномъ собраніи въ Краковѣ сказалъ, что „русскаго вопроса въ краѣ уже нѣтъ“. Это значитъ, что „съ помощью правительства мы уже истребили Русь, что ее уже не существуетъ“. Мнѣ кажется, что такіе приговоры не что иное, какъ измѣна въ виду Австріи, ибо, при такого рода истребительной политикѣ, нужно, дѣйствительно, бояться русскаго панславизма, чтобы онъ, если только на самомъ дѣлѣ существуетъ, изъ теоріи не перешелъ въ практику. Но развѣ мыслимо убить нашу русскую народность, исторія культуры которой достигла тысячелѣтія и которая является частью великаго народнаго организма. Мнѣ кажется, что, вмѣсто истребленія, слѣдовало бы этой народности подать братскую руку помощи и, такъ какъ Русь никогда не посягала на права польской народности, гдѣ таковыя ей принадлежать, то и поляки обязаны поступать по отношенію Руси съ безусловною справедливостью и признавать все, что ей слѣдуетъ и, что въ концѣ-концовъ, несомнѣнно они принуждены будутъ признать. Ибо народъ, прожившій тысячелѣтіе, и снова, послѣ долгаго сна, пробудившійся, теперь уже не дастъ себя уничтожить и не удовольствуется такими законами, которые существуютъ лишь на бумагѣ, а въ дѣйствительной жизни не имѣютъ никакого значенія.

„У меня, какъ русскаго, не можетъ исчезнуть изъ памяти благородная личность поляка-славянина, князя Юрія Любомірскаго, который въ сеймовой сессіи 1861 года внесъ предложеніе о равноправности русскаго языка въ школѣ, администраціи и судѣ. Это предложеніе, сеймовое большинство приняло молчаніемъ и предало его забвенію. Слѣдующія сеймовыя сессіи явились поприщемъ борьбы противъ всѣхъ народныхъ правъ Руси, а въ послѣдніе годы уже не съ кѣмъ было бороться, и борьба была не нужна; ибо Русь, сдавленная сильными

руками, убѣдилась, что дальнѣйшая борьба безнадежна въ смыслѣ полученія какой-либо пользы. Правда, былъ еще слабый лучъ надежды при Лавровскомъ, когда онъ, какъ вице-президентъ, сейма, вернулся изъ Вѣны съ извѣстнымъ планомъ соглашенія Польши съ Русью въ сеймѣ. Тогда онъ пригласилъ меня къ себѣ и открылъ мнѣ свое намѣреніе выступить съ этимъ проектомъ въ сеймѣ. То было при министрѣ Бейстѣ, кажется, въ 1869 году. Я похвалилъ это намѣреніе, похвалили и другіе наши депутаты, и были составлены совѣмъ скромные, справедливые пункты соглашенія. Мы не требовали ничего такого, что было бы трудно выполнимымъ, впрочемъ, то былъ проектъ, надъ которымъ можно было призадуматься. Въ пользу этого проекта соглашенія говорилъ Лавровскій; говорилъ кратко и я, когда наступило второе чтеніе; наконецъ, была избрана комиссія, въ которой и я удостоился чести засѣдать. Но судьба этой комиссіи извѣстна: уже послѣ перваго или втораго засѣданія все было предано забвенію, а когда мы пытались узнать о причинѣ такого забвенія, намъ сказали: „У насъ сила, намъ соглашенія не нужно, когда всегда все имѣемъ въ рукахъ“. Значить, сила выше права!

„Что же намъ оставалось дѣлать? Мы утратили всякую надежду на какое-либо соглашеніе, и не желая отречься отъ своихъ народныхъ святынь, намъ не оставалось ничего другого, какъ встать всѣми силами въ оппозицію и всѣми же силами просвѣщать народъ, чтобы онъ, придя къ самосознанію, развилъ въ себѣ силу и самъ потребовалъ для себя правъ.

„Мнѣ кажется, что это было вполне естественно и, что въ этомъ нельзя видѣть ненависти къ полякамъ. Развѣ виновенъ польскій народъ въ томъ, что партія, которая теперь стоитъ во главѣ его и дѣйствуетъ отъ его имени,—дѣйствуетъ противъ хорошо понятаго интереса своего же собственнаго народа? Развѣ продолженіе вѣковой борьбы съ Русью спасетъ Польшу? Я сомнѣваюсь. Польшу могли бы спасти справедливость, любовь, братство и, говоря словами Коллара, духъ всеславянства. Тѣмъ духомъ всеславянства проникнуты мы, Русь! То ложь, будто-бы мы—полякофды.

„Мнѣ все, что славянское, дорого! Мой Шевченко, мой Пушкинъ, мой Мицкевичъ, мой Корженевскій, мой Колларъ, мой Вукъ Стефановичъ Караджичъ—они всѣ мои, ибо славянскіе. И тутъ нѣтъ никакого страха обнять этой любовью и заграничныхъ славянъ: великоруссовъ, болгаръ и т. п. Для меня, какъ русскаго человѣка, наиболѣе близко

все русское, ибо цѣлый русскій народъ я долженъ считать за мой собственный; но это не мѣшаетъ мнѣ быть добрымъ австрійскимъ гражданиномъ. Если же насъ, и въ частности меня, обвиняють въ посягождствѣ, въ ненависти, то все это относится только къ оппозиціи противъ антиславянской польской партіи, чтобы этой оппозиціей дойти до соглашенія; вѣдь конечная цѣль каждой оппозиціи—дойти до правды. Я вступилъ въ оппозицію и противъ Рима не какъ врагъ уніи, но только какъ ея сторонникъ, чтобы сказать о тѣхъ кривдахъ, какія были творимы по отношенію къ нашему обряду; чтобы поднять голосъ противъ іезуитовъ, какъ враговъ не только Руси, но и Польши; ибо никто другой, а лишь они одни являются причиной паденія послѣдней. Развѣ пріятна та вѣчная борьба, тѣ вѣчныя клеветы и доносы, тѣ вѣчные подвохи одной народности противъ другой? И что же, помогутъ тѣ фразы о свободѣ и равенствѣ, которыя произносятъ уста, но которыхъ нѣтъ ни въ сердцахъ, ни въ дѣлахъ?

„Что же толку отъ того холма уніи на Замковской горѣ, если не имѣемъ уніи въ сеймѣ и около его зданія, гдѣ забыли даже о русскомъ письмѣ? Прежде слѣдовало бы создать честную унію въ сеймѣ и краѣ, уважать нашу народность, какъ братскую, а потомъ уже завершить дѣло насыпкою кургана, подавъ другъ другу какъ славяне, братскую руку. Тогда была бы на томъ холмѣ истинная унія, если бъ его насыпалъ не одинъ Смолька, но вмѣстѣ съ Качалюю. Качала прежде, потомъ Смолька, а не одинъ только Смолька!

„Что же намъ изъ того, что иногда на пирахъ слышимъ извѣстное: „Kochajm sie“? Мы слышимъ это съ одного конца стола, а если съ другого отзовется: „Любимся“, то уже замѣчаемъ кислыя мины. Развѣ это по-славянски? А если бы братья-поляки проникнулись такимъ духомъ славянскимъ, братскимъ, а Русь и Польша въ Галичинѣ шли рука объ руку, если бы наступило сближеніе со всеми славянами, развѣ не образовалась бы въ Австріи значительная славянская сила и развѣ стала бы Австрія дрожать при мысли о россійскомъ панславизмѣ, если бы каждый славянинъ чувствовалъ себя въ Австріи счастливымъ? Сегодня обвинительный актъ бросаетъ намъ какъ преступленіе, переписку съ выдающимися въ Россіи личностями; а вѣдь никто не сомнѣвался въ искреннемъ патріотизмѣ Шафарика, хотя онъ и переписывался со всеми учеными въ Россіи, и, съ самымъ страшнымъ изъ нихъ—М. П. Погодинымъ. Почему же мы не можемъ переписываться съ русскими литераторами? Развѣ запрещено полякамъ находиться въ перепискѣ съ Варшавою, и австрійскимъ нѣмцамъ съ прусскими? Такая тревога,

такая руссофобія совсѣмъ не приносить чести Австріи, ибо доказываетъ недовольство того или другого народа. Въ томъ и заключается главный недостатокъ Австріи, что ея конституція не знаетъ народовъ, а лишь коронные края; въ тѣхъ коронныхъ краяхъ господствуетъ тотъ, кто сильнѣе, слабый же борется безъ всякой надежды, какъ напр., мы русскіе или какъ словаки въ Угорщинѣ. Между тѣмъ, коронные края—отвлеченное понятіе, а народы—дѣйствительность; и только тогда Австрія сможетъ развить силу и не бояться російскаго панславизма, когда можно будетъ сказать, что не коронные края, а всѣ народы въ ней счастливы“.

Судебный процессъ галицко-русскихъ дѣятелей закончился 17(29) Іюля 1882 года. На основаніи обвиненія присяжныхъ, предсѣдатель суда вынесъ И. Г. Наумовичу слѣдующій приговоръ:

„Священникъ Иванъ Наумовичъ виновенъ въ томъ, что со второй половины 1881 года и до конца Января 1882 г., отчасти въ Скалатѣ, отчасти же во Львовѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Галичины и Буковины, принималъ участіе въ такихъ связяхъ, которыя имѣли задачу возбудить ненависть или презрѣніе противъ одноцѣльной австрійской державы, противъ формы правленія и государственной администраціи... вслѣдствіе чего присуждается къ 8 мѣсяцамъ обыкновенной тюрьмы, обостренной однимъ постомъ черезъ каждыя двѣ недѣли“.

Защитникъ подсудимыхъ подалъ отъ ихъ имени кассационную жалобу и обратился съ просьбой, чтобы судъ впредь до разсмотрѣнія кассациі высшимъ судебнымъ трибуналомъ въ Вѣнѣ, выпустилъ ихъ на свободу. 6 Августа 1882 г. всѣ осужденные, послѣ того, какъ русскіе галичане изъ Львова внесли за нихъ крупный залогъ, были дѣйствительно освобождены.

Выйдя временно изъ тюрьмы, въ которой просидѣлъ подъ предварительнымъ слѣдствіемъ болѣе полугода, И. Г. Наумовичъ долженъ былъ подумать о своей судьбѣ, такъ какъ приходъ въ Скалатѣ былъ отъ него отобранъ, а его самого отлучили отъ униатской церкви. Чтобы обезпечить скромное существованіе своей семьѣ, онъ переселился во Львовъ, гдѣ усиленно занялся литературнымъ дѣломъ.

Въ 1884 году, по отклоненіи кассациі онъ отбылъ 8-мѣсячное наказаніе въ тюрьмѣ, гдѣ попрежнему писалъ статьи, а также обучалъ заключенныхъ пчеловодству.

Итакъ, И. Г. Наумовичу пришлось перенести (въ общей сложности) 14 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія!

Лишенный сана и прихода, разоренный матеріально и постоянно преслѣдуемый австро-польскими властями,—И. Г. Наумовичъ буквально не зная, гдѣ приклонить свою усталую голову, рѣшилъ искать душевнаго успокоенія въ лонѣ православной церкви. 6(18) Октября 1885 г. во Львовской православной церкви былъ совершонъ надъ нимъ обрядъ присоединенія къ православію. Послѣ этого, оставаться ему въ Австріи было уже невыносимо: онъ считался опаснымъ для цѣлости государства человѣкомъ и находился подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи.

Въ началѣ 1886 года И. Г. Наумовичъ оставилъ Галицію и переселился въ родную Россію, въ гор. Кіевъ, гдѣ устроился со своей семьей и могъ снова совершать богослуженія, что составляло необходимую потребность его глубоко-вѣрующей души.

Въ Кіевѣ И. Г. Наумовичъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея и, получая опредѣленное вознагражденіе съ освобожденіемъ отъ всякой службы, продолжалъ заниматься редакціей „Науки“ (которую перевелъ изъ Львова въ Вѣну), а также писалъ общедоступныя книжки для русскаго народа. Своими статьями въ газетахъ, выходящихъ въ Россіи, онъ знакомилъ съ жизнью галичанъ, а въ корреспонденціяхъ въ галицко-русскихъ изданіяхъ излагалъ положеніе дѣлъ въ Россіи. Такимъ образомъ, И. Г. Наумовичъ являлся живымъ звеномъ, соединявшимъ духовно Прикарпатскую Русь со всѣмъ остальнымъ русскимъ міромъ.

Живя въ Россіи, онъ никогда не переставалъ заботиться о русскихъ галичанахъ, что особенно было замѣтно во время галицкаго голода (въ 1889 г.), когда благодаря его стараніямъ, галицкіе крестьяне получили значительную помощь изъ Россіи, и тѣмъ самымъ не одно семейство было спасено отъ неминуемой голодной смерти.

Но больше всего онъ заботился о томъ, чтобы дать возможность безземельнымъ галицко-русскимъ крестьянамъ селиться на свободныхъ земляхъ Кавказа. Онъ еще раньше помогъ нѣкоторымъ крестьянамъ переселиться изъ Галицкой Руси на Кавказъ, гдѣ они образовали поселки: Наумовичи и Старая Черниговка вблизи города Сухумъ-Кале. Свои планы по переселенческому вопросу И. Г. Наумовичъ изложилъ въ письмѣ изъ Петрограда (отъ 14(26) Окт. 1890 г.) къ О. А. Мончаловскому, гдѣ писалъ слѣдующее:

„Считаю себя счастливымъ, что могу раздѣлиться хорошимъ починомъ, выходящимъ отъ самыхъ искреннихъ нашихъ друзей, чтобы народу открыть путь къ лучшей жизни. Я говорилъ вчера съ однимъ компетентнымъ лицомъ касательно надѣленія землею нашихъ лемковъ и другихъ галичанъ въ округахъ Новороссійскомъ и Сухумскомъ, на берегу Чернаго моря, именно тамъ, куда ѣздили аргонавты за золотымъ руномъ, гдѣ земной рай, виноградъ растетъ дико, грецкіе орѣхи гниютъ на землѣ и превращаются въ навозъ, а гдѣ одна бѣда: отсутствіе комуникацій. Взгляните на карту: сейчасъ за Азовскимъ моремъ тянется эта пустая земля отъ Анапы до Сухума и она предназначена для галичанъ, но въ такихъ размѣрахъ, чтобъ не обезнародить нашу родину, и чтобы наша земля не попала въ чужіи руки. Быть можетъ, я самъ поѣду туда и осмотрю все; но мнѣ сказали, чтобы прибыли сюда соглядатаи и осмотрѣли мѣста для жительства, которыя будутъ имъ отпущены почти даромъ, напр., около 5 рублей за десятину, съ разсрочкой платежа на долгія лѣта. Все-таки лучше направить нашихъ людей сюда, чѣмъ въ Америку! Здѣсь будутъ огромные заработки при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и проч., а когда будетъ построена желѣзная дорога, земля тогда повысится въ цѣнѣ. Я не сомнѣваюсь, что нашимъ голодающимъ будетъ дана возможность существованія“.

Въ концѣ Мая 1891 года И. Г. Наумовичъ дѣйствительно поѣхалъ на Кавказъ, чтобы выбрать пригодныя для заселенія земли. Онъ былъ увѣренъ, что переселеніе принесетъ взаимную пользу русскимъ галичанамъ и Россіи, такъ какъ первыхъ избавитъ отъ эмиграціи въ Америку и неизбѣжнаго тамъ растворенія въ англо-саксонской расѣ, а русскому государству дастъ трудолюбивое населеніе, которое превратитъ невоздѣланныя и незаселенныя пространства въ цвѣтущіе края.

Посѣтивъ на Кавказѣ многіе города и мѣстности (Новый Аеонъ, Новороссійскъ, Пятигорскъ, Тифлисъ и Елисаветполь), И. Г. Наумовичъ уже отправился обратно въ Кіевъ.

Пріѣхавъ въ Новороссійскъ, онъ остановился въ мѣстной гостинницѣ, гдѣ вскорѣ сильно захворалъ. Немедленно позвали врача, который заставъ больного безъ памяти, опредѣлилъ, что съ нимъ случился апоплексическій ударъ. И. Г. Наумовича перенесли въ больницу, гдѣ онъ, не приходя въ сознаніе, скончался 4(16) Августа 1891 года, въ 11 часовъ утра.

На слѣдующій день состоялось торжественное погребеніе покойнаго на городскомъ кладбищѣ Новороссійска.

17 Сентября 1891 г. тѣло И. Г. Наумовича было привезено въ Кіевъ, гдѣ на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда, собрались: семья покойнаго, прибывшіе изъ Австріи (съ 11 вѣнками) русскіе галичане, представители Славянскаго Общества и много кіевлянъ. Послѣ совершенія панихиды погребальная процессія двинулась на Аскольдову могилу; по прибытіи на кладбище, галичане внесли въ церковь гробъ съ останками своего просвѣтителя.

Торжественные похороны состоялись при участіи многочисленнаго духовенства и массы молящихся на слѣдующій день, т.-е. 18 сентября.

Послѣ того, когда гробъ былъ опущенъ въ могилу и пропѣта „Вѣчная память“, русскіе галичане произнесли прощальныя рѣчи: О. А. Мончаловскій отъ имени Галицкой Руси, бывшій редакторъ „Слова“ В. М. Площанскій, какъ другъ покойнаго, и крестьянинъ Григорій Муринъ отъ лица галицко-русскаго крестьянства.

Загадочный характеръ смерти И. В. Наумовича былъ подтвержденъ и сыномъ покойнаго, д-ромъ Н. И. Наумовичемъ,—который вскорѣ послѣ похоронъ заявилъ въ присутствіи многихъ лицъ, что его отецъ былъ отравленъ. Кто подалъ ядъ просвѣтителю Галицкой Руси—осталось неизвѣстнымъ. Въ Новороссійскѣ И. Г. Наумовича видѣли только съ какимъ то молодымъ человѣкомъ, который заходилъ къ нему въ гостиницу а затѣмъ исчезъ безслѣдно.

16 сентября 1894 г., т.-е. черезъ три года послѣ смерти И. Г. Наумовича состоялось освященіе памятника на его могилѣ, воздвигнутаго на пожертвованія поступившія какъ изъ Россіи, такъ и Галицкой Руси.

Памятникъ представляетъ четырехугольный обелискъ изъ темнаго лабрадора, на верху котораго помѣщенъ восьмиконечный русскій крестъ, а на лицевой сторонѣ находится надпись:

„Гонимому на родинѣ, принятому въ родной Россіи, печальнику Галицкой Руси, о. протоіерею Іоанну Григорьевичу Наумовичу“.

Ө. Ө. Аристовъ.

